

ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА В ТРУДАХ НЕОНАРОДНИКОВ (конец XIX – 20-е гг. XX в.)

Козляков Владимир Егорович

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории Беларуси и политологии
Белорусского государственного технологического университета
(г. Минск, Беларусь)

На рубеже XIX–XX вв. в разных слоях российской общности проявился интерес к проблемам обеспечения славянского единства. Не могло пройти мимо этих споров и российское неонародничество, представленное различными группировками и партиями эсеровского толка. Однако господствовавший тогда стереотип о необходимости возглавить общеславянское движение российскому самодержцу отодвигал эту проблему на периферию теоретических изысканий и дискуссий. Тем не менее, предтеча российских неонародников, один из лидеров революционного народничества М. Бакунин, выступая против любых государственных форм, представлял будущее общество в виде «самоуправляющихся крестьянских общин». Еще в «Воззвании к славянам» (1848 г.) он призвал «славянские народы... завязать между собой жесткий братский союз для образования одного большого союзного тела» [1, с. 51].

Близкой к этим идеям была позиция «Народной воли». Программа ее Северо-Западной организации отмечала: «Народы, насильственно присоединенные к русскому царству, вольны отделиться или остаться в Общерусском союзе». А белорусская народническая группа «Гомон» (1884 г.) поставила вопрос о федерализме «в форме союза между отдельными частями государства или входящими в его состав нациями» [2, с. 160–163, 188]. Схожие идеи были представлены в программе Белорусской социалистической громады (БСГ) (1903 г.), рассчитывавшей добиться автономии Беларуси в границах будущей Российской федеративной демократической республики. А возникшая в 1900 г. Революционная украинская партия уже поставила задачу добиваться «полной самостоятельности Украины во внутренних делах с обеспечением равноправности населяющих ее национальностей».

Подобные тенденции вынуждена была учитывать главная партия неонародничества – Партия социалистов-революционеров, в программе которой (1906 г.) были записаны следующие положения: «возможно большее применение федеративных отношений между национальностями, признание за ними безусловного права на самоопределение, введение родного языка во все местные общественные учреждения, ... в областях со смешанным населением право каждой национальности на пропорциональную своей численности долю в бюджете, предназначенном на культурно-просветительские цели, распоряжение этими средствами на началах самоуправления» [3, с. 361–362].

Обращает на себя внимание тот факт, что ни в выступлениях делегатов съезда, ни в принятой программе не было даже намека на необходимость достижения славянского единства. Партийные деятели были в большей степени озабочены обеспечением интернационального сплочения своих приверженцев.

Тем не менее, газета «Наша нива», с которой сотрудничали многие деятели БСГ, не раз писала о значении великой русской культуры, достижениях славянства, но категорически выступала против русификаторской политики самодержавия. Например, «Наша нива» сообщала о состоявшемся 11 июня 1908 г. в Праге Славянском съезде студентов, в котором приняли участие представители русского, польского, украинского, белорусского, сербского, хорватского, словацкого, словенского студенчества. Этот Славянский съезд утвердил резолюцию, требовавшую организацию в Беларуси обучения на родном языке, развития белорусской культуры, открытия в Вильно Белорусского университета. Во всех этих делах, цитировала газета резолюцию съезда, белорусов будет поддерживать «все прогрессивное славянство» [4, с. 4–5].

Февральская революция открыла большие возможности для проведения реформ, в т.ч. решения межнациональных проблем. Однако реальных преобразований сделано не было. А вопросы славянского единства становились вообще второстепенными, как для кадетов, так и для общероссийских неонародников. Так, III съезд Партии социалистов-революционеров, состоявшийся в мае 1917 г., высказался за федеративно-демократическую республику с территориально-национальными автономиями в пределах этнографического расселения, за создание экстерриториальных, персонально-автономных союзов со своими местными и общегосударственными представительными органами [5, с. 481–482].

В документах съезда уже не было требования «безусловного права на самоопределение», зато появилась идея «национально-персональной автономии» (расширенный вариант «культурно-национальной»). Эсеры попытались заменить право на самоопределение правом на областную автономию, национально-персональную автономию, рассматривая эти установки в качестве своеобразной стыковки «национальных эгоизмов». Такой поворот был далеко не случайным. Боясь окончательного разрыва с национальными «родственными социалистическими партиями», эсеры оставались в рамках кадетской политики.

По мере углубления социально-экономического кризиса в стране требования автономии со стороны национальных неонародников стали звучать все сильнее. Созванный по инициативе Центральной Украинской рады в сентябре 1917 г. так называемый «Съезд народов России», на котором присутствовали различные представители неонароднических партий, проголосовал за государственный строй в России в виде федерации автономных областей. Съезд единогласно постановил, независимо от созыва Всероссийского Учредительного собрания созвать местные национальные учредительные собрания, призванные установить как конкретные формы своих отношений с центральными органами федерации, так и внутреннюю организацию «автономных институтов данного народа или области» [6, с. 443–449].

После победы Октябрьской революции и начала гражданской войны правые эсеры и эсеры центра продолжали взывать к федералистским проектам, однако теперь делался акцент на необходимость превращения России «в прочную однообразную федерацию» из-за опасений возможного распада некогда великой страны. Резолюция по национальному распаду некогда великой страны, принятая IV съездом партии с. р. (ноябрь 1917 г.), уже прямо требовала «обеспечения в настоящем историческом периоде сохранения Российского государства как целого хозяйственного организма» [7, с. 11–12].

Что касается левых с. р. (интернационалистов), то эта партия, придерживаясь старой программы неонародничества о федерализме, тем не менее признавала полновластие советов с учетом их «широкой децентрализации» как «единственно здоровой формы организации общества». «Для советского строя этот принцип выявляется в Федерации Советских Республик», – говорилось в Проекте программы партии, одобренной II съездом левых с. р. [8, с. 684].

Оказавшись в эмиграции после окончания гражданской войны, различные группы и течения неонародничества рассма-

тривали национальный фактор в качестве важнейшего ресурса антибольшевистской борьбы. Однако теперь делался упор на поиск межэтнических «стыковок» в консолидации антикоммунистических сил. Об этом свидетельствовало, например, Берлинское совещание социалистов-революционеров, состоявшееся в декабре 1922 г., на котором выявились две точки зрения по национальному вопросу. Если проект резолюции, предложенный М. Вишняком, призывал вместо федерации «сверху», создавать федерацию «снизу» в качестве «единственного пути», ведущего к «единству и величию России», то проект В. Гуревича исходил из признания «необходимости последовательного проведения в жизнь принципа национального самоопределения в области самоуправления». В документе, составленном В. Гуревичем, предлагалось наладить сотрудничество народов на основе равноправия, в т.ч. путем «создания международных надгосударственных объединений» [9, с. 943–946].

Взгляды В. Гуревича разделял и один из лидеров российских эсеров В. Чернов, склонявшийся даже к конфедеративным идеям. Он не исключал возможность создания Славянской конфедерации, которая могла бы, по его мнению, «разрешить вопрос об Украине и Белоруссии» [10, с. 24–25]. В 1926 г. группа В. Чернова – В. Гуревича провела интенсивные консультации с различными организациями украинских и белорусских эсеров, белорусских и грузинских социалистов-федералистов, армянской партии Дашнакцутюн. Белорусских эсеров представлял Т. Гриб, социалистов-федералистов – В. Захарко и П. Кречевский.

6 октября 1926 г. в Праге на собрании эмигрантов-неонародников с участием представителей национальных партий был заслушан доклад В. Гуревича «Национальная проблема востока Европы». Докладчик призвал к установлению между народами «живой связи и тесного сотрудничества» в общих интересах. Достижение этих целей он видел в создании нового «Свободного Союза Народных Республик Востока Европы и Азии, вполне самостоятельных в своих внутренних делах, но осуществляющих общие задачи в сфере финансово-хозяйственной и международно-политической» [11, с. 32].

Дискуссии, проходившие 6, 13, 22 октября 1926 г. носили острый характер. Тем не менее, удалось прийти к соглашению. 13 октября П. Кречевский заявил, что «стоим перед выбором: Свободный Союз или кровавая борьба». Ему вторил В. Захарко: «Если не договоримся, то пойдем в топоры». Их поддержал и Т. Гриб, обратив внимание на необходимость «учета роста национального самосознания белорусов» [12, л. 110–113].

Для координации действий всех социалистических партий на особом предварительном совещании, состоявшемся 26 октября 1926 г., представителей российских, украинских и белорусских эсеров, белорусских социалистов-федералистов было решено учредить особое межнациональное объединение – Социалистическую Лигу нового Востока Европы. Вся организационная работа по конструированию Лиги возлагалась на специально созданную Инициативную группу [13, л. 80–90].

Наконец, после длительных дискуссий «Проект Платформы» был утвержден на заседании Инициативной группы 12 июля 1927 г. и опубликован в журнале «Революционная Россия» (1927 г., № 59–60). Документ назывался «Платформа Социалистической Лиги нового Востока Европы (проект Инициативной группы)». Он оставался по-прежнему проектом и приглашал различные социалистические течения, партии и группировки к сотрудничеству.

Ставилась конкретная задача после свержения власти большевиков образования надгосударственного объединения Вольного Союза независимых республик на следующих основах: солидаризация их международной политики; взаимные гарантии неприкосновенности границ и прав национальных меньшинств; создание таможенного и тарифного союза; народно-хозяйственное и финансовое сотрудничество членов Союза; разрешение всех споров между республиками Союзным трибуналом; восстановление национального и территориального единства народов, расчлененных между различными государствами, в частности, украинского, белорусского, армянского и других. Проект Платформы подписали представители российских, украинских, белорусских эсеров, белорусских социалистов-федералистов, армянской партии Дашнакцутюн [14, с. 18–21].

Возможно, многие положения документа кажутся с современных позиций наивными и декларативными. Однако история

его создания свидетельствует об искреннем стремлении определенной части российских и национальных неонародников найти наиболее эффективные формы сотрудничества народов, длительное время живущих вместе.

Таким образом, проблемы достижения славянского единства не стали определяющими в деятельности неонародников. Если революционные народники уделили этим вопросам серьезное внимание, то неонародничество подходило к идеям славянского единения крайне осторожно, боясь быть обвиненным в соглашательстве с монархизмом. После Октябрьской революции взгляды неонародничества на национальные проблемы претерпели серьезные изменения. Тем не менее, поиск неонародниками эффективных форм сотрудничества народов, в первую очередь славянских, заслуживает внимания и уважения. Этот опыт может быть использован политиками в современных интеграционных процессах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакунин, М. Избранные сочинения. – Т. III. Федерализм, социализм и антитеологизм / М. Бакунин. – П.-М., 1920. – 327 с.
2. Лосинский, И. Б. Революционно-народническое движение в Белоруссии. 1870–1884 гг. / И. Б. Лосинский. – Минск : Наука и техника, 1983. – 228 с.
3. Протоколы Первого съезда партии социалистов-революционеров. – СПб., 1906. – 367 с.
4. Славянські з'їзд студентаў // Наша ніва. – 1908. – 4(17) ліпеня. – С. 4–5.
5. Протоколы Третьего съезда партий социалистов-революционеров. Стенографический отчет. – Пг. : Тип. Партии социалистов-революционеров, 1917. – 487 с.
6. Революция и национальный вопрос. – М. : Коммунистическая Академия, 1930. – Т. 3. – 521 с.
7. Резолюция по национальному вопросу и государственному устройству России, принятая национальной секцией IV съезда Партии социалистов-революционеров // Партийные известия. – 1918. – № 5. – С. 11–12.
8. Проект программы партии левых социалистов-революционеров // Партия левых социалистов-революционеров : документы и материалы, 1917–1925 гг. : в 3 т. / Т. 1 : Июль 1917 г. – май 1918 г. – М. : РОССПЭН, 2000. – 864 с.
9. Берлинское совещание социалистов-революционеров (декабрь 1922 г.) // Партия социалистов-революционеров : документы и материалы : в 3 т. – М. : РОССПЭН, 2000. – Т. 3. Ч. 2 : Октябрь 1917 г. – 1925 г. – С. 928–954.
10. Чернов, В. Пан-Европа и пан-славянство / В. Чернов // Революционная Россия. 1926. – № 51–52. – С. 22–25.
11. Гуревич, В. Национальная проблема востока Европы / В. Гуревич // Революционная Россия. – 1926. – № 53. – С. 31–33.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 5910. Оп. 1. Д. 86.
13. ГАРФ. – Фонд 5910. Оп. 1. Д. 86.
14. Платформа Социалистической Лиги нового Востока Европы (проект Инициативной группы) // Революционная Россия. – 1927. – № 59–60. – С. 18–21.